

Map of the Krasnodar Krai region, showing the Black Sea coastline, major cities, and administrative boundaries. The map is labeled with Cyrillic text.

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Учредители —
Всесоюзное общество
«Знание»
и трудовой коллектив
редакции

№ 3 (765)
Издается с 1926 года

Главный редактор
Г. А. Зеленко

Редколлегия:
Л. И. Абалкин
А. П. Владиславлев
Б. В. Гнеденко
Г. А. Заварзин
В. С. Зуев
Р. С. Карпинская
П. Н. Кропоткин
А. А. Леонович
(зам. главного
редактора)
Н. Н. Моисеев
В. П. Смилга
Н. С. Филиппова
К. В. Фролов
В. А. Царев
Т. П. Чеховская
(ответственный
секретарь)
Н. В. Шебалин
В. Л. Янин

Обложка
Г. Червинского
и В. Бреля

«Все ли в порядке
в нашем жилище?»
Экологии — науке о доме,
в котором живет
человечество, — посвящены
в этом номере
статьи Г. Шевелевой
и А. Иванова-Смоленского.

Принудительные

М. МИНА: — Я давно придумал для себя такую аналогию: есть некий забор, за которым спрятаны большие и светлые истины. И есть люди, которые никогда за этот забор не заглядывали. Они спокойно живут, что-то делают и всем довольны.

Я не уверен, но, возможно, есть и такие, которые постоянно за этот забор шастают. Может, таким был Эйнштейн или Ландау — я о них слишком мало знаю, судить не берусь. И есть совершенно несчастные люди, которым время от времени дано подпрыгнуть и что-то там увидеть. Как украсть. И заглянувший туда однажды с тех пор всю жизнь мечтает хотя бы раз еще подпрыгнуть и заглянуть. Он ходит возле забора, знает уже, что туда можно заглянуть, помнит и мучается.

Похоже, мы с Борисом из этой категории.

Б. ВИЛЕНКИН: — Да, я тоже пытался проковырять в том заборе дырочку. Так я хочу представить своих приятелей-биологов, к которым пришел поговорить «о жизни и науке». Вот свалилась и на вас свобода, — сказал я. — Люди вы в возрасте, с пристальным взглядом. Вы что-то сделали путное в своей биологии и не рвались в начальники. На вас нет больших моральных грехов, а внимательность и широта есть. Кто, как не вы, может оглядеть сейчас происходящее. — Стоп! — сказали они дружно. — Мы же договаривались о жизни, а ты про перестройку, что ли... Нет уж! Я невнятно настаивал, они очень внятно сопротивлялись, а в магнитофоне крутилась пленка... Возможно, кто-то не найдет в этих размышлениях той законченности, которую, не имея в себе, так желает видеть в других. Однако мы застали себя в тот момент, когда каждому вполне хватает для жизни именно такого осмысления. Нельзя все ростки мыслей довести до завершенности взрослого дерева — у одних ростков слишком мало для этого корней, другим не хватает света или почвы. Росток — создание, уже свершившееся, его уже можно уважать.

Б. Виленин: — Улучшение науки от перестройки хорошо определил великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов. Когда он перелагал псалмы Давида, один из переводов у него звучал так:

Никто не уповай вовеки
На тщетну власть князей земных.
Их те ж родили человеки,
И несть спасения от них.

Так это он и про Академию наук СССР. От нее спасения, конечно, «несть», но к науке она никакого отношения не имеет.

«Две вещи несовместные»

М. Мина: — Да, есть задачи, которые просят решить власть имущие — те, у кого деньги. Но наши-то задачи, те, что нас более всего интересуют, не нужны нико-

ИТОГИ

му, кроме нас самих. Больше того, всем наплевать, будем мы их решать или нет, — без разницы. В науке, которой занимаюсь я, все, начиная от моего непосредственного начальства до президента страны и Верховного Совета, не влияют никак. Существует некая мировая компания, которая занимается увеличением суммы нанятий. Чем нам было всегда хорошо? То, что мы делали, и не нужно было государству. Не потому, что бесполезно, а потому, что не может принести пользу завтра, а значит — зачем оно вообще?

Ю. Лексин: — Но деньги, Миша? Получал?

М. Мина: — Получал. А вот почему мне их государство платило, до сих пор понять не могу.

Б. Виленкин: — Да это и не деньги.

Ю. Лексин: — Это другой вопрос.

М. Мина: — А впрочем, оно и не могло их не платить. Мы ведь существуем только из тщеславия того же государства. Ты прав, они вполне бы могли себе позволить вообще всей этой науки не иметь. Да-да, ту зоологию, например, которой мы занимаемся, они могли бы похерить, и никто бы этого просто не заметил. Но принято иметь «свою» зоологию, как принято у феодала содержать алхимика. Толку от него — ноль, но у соседнего феодала есть, у дедушки был, у отца был, значит — будет и у меня. Элемент декора, не больше.

Ю. Лексин: — И так вообще для всех властей?

М. Мина: — Думаю, для всех. Я не знаю, кто это начал. Когда государства меряются друг с другом, — а они страсть как это любят! — то меряются в том числе и наукой. И если собирается конгресс алакологов и Советский Союз посылает на него двух человек, а Америка тридцать, то это рассматривается как ущербность советской науки, хотя от двух-то иногда бывает даже больше пользы. Но само численное сравнение для государства уже тревожно: там двадцатью семью алхимиками больше!

Б. Виленкин: — Я вспомнил, Юра, твое любимое слово «перестройка»... Когда ее в восемьдесят пятом объявили, был какой-то, июньский что ли, пленум. Михаил Сергеич выступил, естественно, с большой речью — тогда еще ускорение было принято носить, — и он сказал: спасти нас может только научно-технический прогресс. Вот это и есть чисто

феодалное отношение к алхимии. С него тогда решили спросить результатов.

Ю. Лексин: — И это сразу же провалялось. А что осталось?

М. Мина: — От этого — ничего. Но человечеству, видишь ли, по каким-то непонятным причинам хочется знать обо всем, что вокруг него происходит. Ему почему-то нужно, чтобы про все был свой специалист. Про всех клещей, всех клопов, и не только кусачих, — про все. Зачем-то ему это нужно. Может, на всякий случай.

Б. Виленкин: — Не думаю, что здесь уместно слово «человечество». Наука развивается в силу имманентных причин, не имеющих никакого отношения ни к человечеству, ни к обществу. Просто всегда находятся люди, которым что-то интересно. На вопрос «почему?» отвечать, мне кажется, бессмысленно.

Ю. Лексин: — Есть, скажем, некий человек, и его почему-то интересуют кораллы...

Б. Виленкин: — Я неплохо знаю этого человека. Так себе ученый... Но действительно почему-то ему любопытна эта чисто биологическая адаптационная задачка. Да хотя бы потому, что среди недалеких людей, а их много, принято считать, что вся эволюция популяций в биосфере устроена таким образом: размножайся быстрее и наращивай биомассу больше. Но у того человека на этот счет появились большие сомнения. Очень вероятно, что все это не так и отбор идет не по системным признакам наращивания количества связанного вещества, а в каждой конкретной ситуации по вполне конкретным обстоятельствам. А теперь скажи: какому такому государству все это позарез нужно?

Ю. Лексин: — Только тебе, Боря. И еще — кораллам.

Б. Виленкин: — И кстати, о том минимуме, который нам давало и дает государство, — прожиточном. Он ведь тоже не так обязателен. Основы науки — и нашего времени тоже — были, в общем-то, заложены непрофессионалами. Скажем, Рене Декарт или Исаак Ньютон деньги получали отнюдь не за свои научные занятия. И Гельмгольц получал их только за то, что был практикующим врачом, — а именно тогда сформулировал закон сохранения энергии. То есть за то, чем он жив в науке и чем жила дальнейшая наука, он как раз и не получал денег. И это не странно как раз потому, что имманентность науки все-таки существует. И известный систематик доктор Владимир Набоков за бабочек денег не получал.

М. Мина: — В человеческой психике есть некая странность. Например, людям